Николай СКАТОВ

ПАЛ, ОКЛЕВЕТАННЫЙ...

КАК ПОГИБ ПУШКИН

В январе 1836 года Дантес пишет письмо своему находившемуся в отъезде тогда еще даже не — по позднейшему слову Пушкина — "так называемому" отцу (Пушкин говорит о Дантесе, как о "так называемом" сыне), а по сути в этом же письме прямо называемому любовнику Геккерну: "... Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть, я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив<...> ради Бога ни слова никому, никаких попыток разузнавать, за кем я ухаживаю, ты ее погубишь, не желая того, а я буду безутешен<...> Любить друг друга и иметь возможность сказать об этом между двумя ритурнелями кадрили — это ужасно: я, может быть, напрасно поверяю тебе все это, но такая тоска в душе, сердце мое так переполнено, что мне необходимо излиться хоть немного".

Н.Н.Пушкина. Акварель В.Гау.

В конце письма Дантес позволяет себе даже пощекотать нервы любовника, возбуждая ревность самим стремлением ее вроде бы притушить: "До свидания, дорогой друг, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца". Странно, что письма Дантеса, а они были опубликованы уже в наше время, приняли за чистую монету. Впрочем, Дантес на это и полагался; и хотя, понятно, ни о какой публикации не думал, но на огласку, видимо, рассчитывал.

Ведь даже С.Л.Абрамович в своей умной и точной книге "Пушкин в 1836 году" пишет: "Январское письмо говорит прежде всего в том, что Дантес в тот момент был охвачен подлинной страстью. Искренность его чувств не вызывает сомнений. Он весь поглощен своим новым увлечением. Оно заполняет всю его жизнь и является главной пружиной всех его поступков". Между тем все это отдающее убогой литературщиной письмо явно лживо: от начала и до конца.

Начать с того, что хотя намеки на героиню и прозрачны, имя ее предусмотрительно скрыто. Ведь если бы она была названа, а письмо *затерялось*, могла бы сразу обнаружиться ложь, да еще письменно подтвержденная.

Далее: никакой бешеной ревности мужа, как, впрочем, и равнодушия, не было: ни тогда и никогда. Более того: "поведение вашего сына, — писал Пушкин еще в черновике первого письма Геккерну, — было мне полностью известно уже давно и не могло быть для меня безразлично".

"Ради Бога ни слова никому, никаких попыток разузнавать, за кем я ухаживаю", — пишет Дантес. Но "никаких попыток разузнавать" и не требовалось. Все, как видим, включая мужа, и так знали об этих ухаживаниях. Более того, сам Дантес не только их не скрывал, а всячески, везде и перед всеми их **демонстрировал** и подчеркивал, не только не пытаясь скрыть свою якобы тайную страсть, но явно стараясь выделиться на фоне общего поклонения и обратить внимание на себя и на свое якобы **особое** положение. Как видим, все это не имеет ничего общего с напыщенным враньем его письма.

"Его страсть к Натали, — писала сестра поэта Ольга Сергеевна, — не была ни для кого (!) тайной. Я прекрасно знала об этом, и я тоже над этим подшучивала".

Ясно, что подшучивать, да еще открыто, можно только над тем, что достойно такого подшучивания, что нарочито, чрезмерно заявлено, что можно разыгрывать и т.п. "Я шла под руку с Дантесом, — подтверждает С.Карамзина, — он меня забавлял своими шутками, своей веселостью и даже смешными припадками своих чувств (как всегда к прекрасной Натали)".

"Шутки", "веселость", "смешные припадки своих чувств": опять розыгрыши и ерничанье.

И странно думать, что неизменно сдержанная, холодноватая Наталья Николаевна (кстати, в эту пору на шестом месяце беременности) "между двумя ритурнелями кадрили" вдруг так начала объясняться Дантесу: "... я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вашей наградой". "Право, — продолжает Дантес, излагая все это уже в февральском письме Геккерну, — я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать, если бы я был один, и уверяю тебя, что с этого дня моя любовь к ней еще возросла, но теперь это не то же самое: я ее уважаю, почитаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязалась".

Как Дантес вскоре *уважил* дорогое существо, мы знаем. И это неудивительно.

Удивительно, что при таком знании убогая патетика его письма заставила даже такого пушкиниста, как М.А.Цявловский, заявить: "Ответное чувство Натальи Николаевны к Дантесу<...> теперь не может подвергаться никакому сомнению". А иной раз даже и сейчас кое-кто склонен видеть в дуэте Наталья Пушкина — Жорж Дантес соблазнительную аналогию: Татьяна Ларина — Евгений Онегин. Но согласитесь: явное и простодушно нескрываемое невинное кокетство плохо вяжется с тайной и тщательно скрываемой глубокой любовью: "Люблю, как никогда не любила... моя любовь будет вашей наградой" и т.п.

Да именно письма-то Дантеса, будучи спроецированными на всю ситуацию и на характеры и поведение героев, и заставляют подвергнуть "ответное чувство Натальи Николаевны к Дантесу" безусловному сомнению.

А вот что не может подвергаться никакому сомнению, так это решительное атанде́, полный от ворот поворот, категорический ее отказ, возможно, смягченный в разговоре (если этот разговор вообще имел место) вечным отказным же: *я тебя уважаю... давай дружить.*

Отказ, выглядевший в глазах самоуверенного и наглого Дантеса как поражение и могущий выглядеть в глазах любовника, на содержании которого он находился, как унижение, и заставил, спасая лицо, делать на нем при плохой игре хорошую мину и вести к выдумкам о разделенной, но скрытой страсти, о бешено ревнивом муже и тому подобной чепухе.

Тем не менее в светском многоголосии все отчетливее и громче зазвучат голоса, ведущие эти две темы, два мотива, две легенды. Первая: любовь к Дантесу Н.Н.Пушкиной, которая тем не менее остается верной мужу, *так как...* Эту легенду подхватывает вторая, *так как* муж ужасен, ревнив, зол и мрачен. "Имеет характер мрачный и мстительный". Не один раз повторит позднее эту формулу "старый" Геккерн разным людям.

Притязания Дантеса на новом витке возобновились только через много месяцев, а именно — уже осенью 1836 года. За это время Наталья Николаевна совершенно удалилась от света и благополучно — в мае — родила дочь, Пушкин благополучно и как никогда успешно работал, а Дантес благополучно преуспел в "ловле счастья и чинов", очень упрочив свое положение, так как стал "законным" сыном "так называемого" отца. Это тоже подогревало уверенность и во всех отношениях прибавляло гонора и амбиций.

Ж.Дантес. Рисунок Т.Райта.

К тому же притязания эти все более наглели, так как все более вписывались в общую кампанию лжи и травли, которая, нарастая, велась против Пушкина — поэта, историка, журналиста, государственного деятеля — центрального явления русской национальной жизни. П.А.Вяземский недаром (правда, запоздало) говорил о жутком заговоре, об *адских* сетях и кознях. В изготовлении густого, все время помешиваемого варева, где будут и сплетни, и анонимки, и спровоцированные свидания, трудились опытные повара высшей квалификации. Собственно, Дантес там был всего лишь способным поваренком. Острых приправ и специй, конечно, не жалели. Да и кухня была обширной. Уж где Геккерны нашли поддержку, сочувствие и содействие — так это у Нессельроде. Сама Мария Дмитриевна Нессельроде была агентом и ходатаем, и доверенным, и поверенным. Если можно говорить (а это показали все дальнейшие события) об антирусской политике "австрийского министра русских иностранных дел", то ее объектом так или иначе, рано или поздно, но неизбежно должен был стать ***главная опора русской национальной жизни*** — Пушкин.

Кстати сказать, Д.Д.Благой полагал, что еще раньше гонителя в Карле Нессельроде нашел несчастный Батюшков. Как известно, позднее в нем же обрел врага Ф.И.Тютчев, прямо кричавший о гибельности внешней политики России, действительно-таки и приведшей наконец к катастрофе. "Посланник, — резюмирует историю противопушкинских козней С.Л.Абрамович, — поддерживал тесные контакты с министром иностранных дел и его супругой, он был постоянным посетителем их салона и знал, что получит здесь поддержку в затеянной им интриге".

Именно в семье увидели возможность ударить безошибочно, точно и больно. "Супружеское счастье и согласие, — сказал сразу после гибели Пушкина Вяземский, — было целью развратнейших и коварнейших покушений <...>, чтобы опозорить Пушкиных". Что касается Натальи Николаевны, то, видимо, полагали, что здесь следовало прежде всего во что бы то ни стало в ответ на притязания "любовника" добиться "взаимности". Началось подлинное преследование жены Пушкина с уговорами, угрозами и, наконец, прямым шантажом. Унизить и растоптать *ее* для того, чтобы превратить в посмешище *его*: сделать рогоносцем и ославить. В ход пошло все. "Вы, — представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну, — писал Пушкин Геккерну в последнем отосланном январском письме, почти точно повторив то, что написал в ноябрьском неотосланном, — подобно бесстыжей старухе вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына".

Действовали чем менее успешно, тем более бесстыдно и нагло, прямой шантаж наконец достиг кульминации, когда Наталью Николаевну обманным путем залучили в квартиру ее "приятельницы" Идалии Полетики. "Приятельницы" дома не оказалось. Но зато оказался Дантес, который достал пистолет и, угрожая самоубийством, просил, даже требовал ему отдаться. Пушкина стала громко говорить, — собственно, звать на помощь. На шум явилась дочь хозяйки. Наталья Николаевна уехала. Опять розыгрыш, но уже розыгрыш-шантаж. То есть, по слову Пушкина, *плут* и *подлец* снова *разыгрывал преданность* и *несчастную любовь*. Никакого самоубийства, естественно, не произошло, так как и никакой *несчастной* любви не было.

Но дело отнюдь не ограничивается розыгрышем-шантажом плута и подлеца. Вяземский недаром сказал об адских кознях против Пушкина и его жены. 4 ноября Пушкин и еще несколько человек из его окружения получили издевательскую анонимку с причислением поэта к ордену рогоносцев.

С.Л.Абрамович сделала принципиальной важности дело, когда убедительно показала, что "свидание" у Полетики состоялось не в январе 1837 года, как всегда полагали, а в ноябре, всего скорее 2 ноября 1836 года, то есть чуть ли не за день-два до рассылки того анонимного письма, которое объявляло Пушкина рогоносцем и которое повергло в ужас друзей Пушкина, но вполне спокойно было встречено самим Пушкиным.

Иное дело — контекст, в который вставлялось письмо. О нем не знали, но Пушкин после объяснения с женой многое знал.

Есть теснейшая связь между организованным "свиданием" Пушкиной и Дантеса и организацией письма с причислением поэта-"историографа" к ордену рогоносцев. Геккерны вершили слово и дело.

"Дело" было за Дантесом.

"Слово" — за Геккерном.

Пушкин после разговора с женой совершенно точно вычислил Геккернов как закоперщиков и исполнителей этой подлой акции. При этом уже неважно, кто, собственно, скрипел пером: нанятый писарь или кто-то еще.

С позиций плутовства, подлости и разыгрываний бароны и, вероятно, стоявший за ними глубоко эшелонированный фронт — действовали безукоризненно точно. Весь расчет делался на то, что, в сущности, под угрозой пистолета происходит "падение" жены Пушкина и тогда документ-письмо не остается клеветническим наветом, а приобретает неотразимо правдивый характер. Но даже и в случае, если женщина проявляет стойкость, сам факт "свидания", как говорится, имеет место и — пойди разберись, что там было... Опять естественный расчет на ее смятение, испуг, скрытность и — соответственно — повод для новых разыгрываний, нового шантажа и т.п.

Однако Пушкины тоже действовали безукоризненно точно, но уже с позиции любви, доброй воли и доверия. Потому-то никакой особой роковой роли и анонимные письма не сыграли. И, пожалуй, в отличие от остальных адресатов ни в какой шок они Пушкина не повергли. В.А.Соллогуб передает (а это единственное свидетельство, касающееся того дня) слова Пушкина: "Это мерзость, против жены моей. Впрочем, понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может <...> — он говорил спокойно, с большим достоинством и, казалось, хотел оставить все дело без внимания".

Он все дело и "оставил без внимания" — то, что касается жены. Не то — с авторами. Авторам интриги, письмам отводилась роль, которую сыграл платок в шекспировской трагедии, в расчете на то, что удар Отелло-Пушкина придется на Дездемону-жену. Но поскольку, по словам Вяземской, доверие Пушкина к жене было безгранично, его удар пришелся на того, кто пожелал сыграть "в Яго". По твердому убеждению и после быстрого расследования был вычислен Геккерн. Другие возможные кандидаты на эту роль, на протяжении десятков лет предполагавшиеся следователями-исследователями (прежде всего — И.Гагарин и П.Долгоруков), постепенно отпадали, и сейчас почти все склоняются к тому, что и здесь прав все-таки был Пушкин.

(Окончание следует.)

(Продолжение. Начало в "Труде-7" от 14 августа.)

38